Настоящий материал (информация)
произведён, распространён или направлен
иностранным агентом
«Автономная некоммерческая организация
“Институт права и публичной политики”»
либо касается деятельности
иностранного агента
«Автономная некоммерческая организация
“Институт права и публичной политики”»

Поисковые мероприятия в уголовном процессе: прежние проблемы и меняющийся контекст

Аналитическая записка о том,
как 2022 год охарактеризовал основные
правоприменительные тенденции

Публикуется на условиях лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial»
(«Атрибуция-Некоммерчески») 4.0 Всемирная.
Онлайн-версия публикации: http://reports.ilpp.ru/search-and-seizure-2022/

© Институт права и публичной политики, 2023

Основные выводы

С одной стороны, положительной динамики в тактиках и методах проведения поисковых мероприятий в последние годы не наблюдается: основные слабые места кроются в незащищённости обыскиваемых лиц и отсутствии у них поистине эффективных способов защиты себя и своих прав. С каждым годом эти проблемы всё больше укореняются в практике правоохранителей, а отдельные нарушения превращаются в норму. С другой стороны, в отдельной категории кейсов ситуация обостряется: мы фиксируем существенное ухудшение в делах, являющихся достоянием общественности, и это может быть сигналом, что в скрытых от глаз публики процессах расширяются критические разломы.

О материале

Доклад подготовлен командой молодых стажёров-исследователей Института права и публичной политики, которые *pro bono* с декабря 2022-го по март 2023-го под патронажем наших экспертов реализовывали настоящий проект. Такая инициатива по привлечению и наставничеству юных специалистов в рамках собственного научно-публицистического исследования реализовывалась Институтом впервые.

Авторы выражают огромную благодарность всем тем, кто принимал участие в исследовании — заполнял и распространял наши анкеты, предоставлял контакты коллег и экспертов, а также находил время для многочасовых интервью.

Авторы: Тимофей Васькин (при участии Полины Иноземцевой и Егора Новикова)

Консультант проекта: Елена Юришина

Библиографическое описание:

Поисковые мероприятия в уголовном процессе: прежние проблемы в меняющемся контексте: Аналитическая записка о том, как 2022 год охарактеризовал основные правоприменительные тенденции. — Москва : Институт права и публичной политики, 2023.

Оглавление

Предисловие **4**

Методологическое введение, или как мы выстраивали свою работу **5**

Похоже, что лучше не стало. Что показал опрос столкнувшихся с поисковыми мероприятиями **8**

С обыском в жилище респонденты встречаются чаще всего 9

Адвокат на поисковом мероприятии присутствует не всегда (а иногда ему даже приходится пробиваться к доверителю) 11

Правоохранители-жаворонки, или обыск проходит рано утром 12

Идеальный поиск — большая редкость 13

Обжалование нарушений часто не имеет смысла 15

Общая динамика отрицательная 16

«Очень понятный способ начать работу». Поисковые мероприятия в опыте защитников и фигурантов дел **17**

Тактика и методы проведения поисковых мероприятий сильно различаются в зависимости от категории дела. Но есть одно общее 17

Обыскиваемый почти всегда находится в уязвимом и одиноком положении, а косвенно пострадать может не только он 19

Этика редко определяет поведение правоохранителей — и это проявляется не только в отношении к обыскиваемым 23

Обыск — не совсем обыск. С одной стороны, он проводится под прикрытием смежных мероприятий, с другой — растворяет в себе другие следственные действия 25

Поисковое мероприятие требует санкции — решение о его проведении должно быть мотивированным и давать представление о предмете поиска. Но на практике это требование формально 28

Особо правоохранителей интересует техника, а вернуть изъятое — отдельная задача, зачастую требующая огромных усилий 29

Есть один способ противодействия нарушениям — судебный контроль. Но его эффективность вызывает сомнения 30

Вместо заключения **33**

Приложение. Практика Конституционного Суда по обыскам за 2022 год **34**

Дело о присутствии специалиста при изъятии гаджетов и техники 34

Дела о попытках оспорить неотложный обыск 35

Дело о 40 обысках и одном постановлении 36

Дело об обыске без адвоката 36

Дело о присутствии заинтересованного лица на заседании, в рамках которого санкционируется обыск 37

Предисловие

В начале 2022 года Институт выпустил доклад Александра Брестера о проблемах обысков в России. Материал получился всеобъемлющим и многогранным: автор поставил ребром ряд нерешённых правоприменительных проблем, проанализировал судебную практику и законодательство других стран, а также сделал особый акцент на этике проведения обысков и смежных с ним следственных и оперативно-разыскных действий в России. Этот доклад получил заслуженное признание в профессиональном сообществе и совершенно точно не оставил лакун. Всем, кто с ним ещё не знаком — настоятельно рекомендуем. Пожалуй, это один из лучших научно-публицистических текстов об уголовном процессе, который читатель сможет найти.

Однако нельзя игнорировать, что с момента публикации этого исследования существенно изменились обстоятельства — внутренний и внешний контекст, кажется, оказал существенное влияние на право и правоприменение в России. Спустя год мы спрашиваем себя, а реально ли — можно сказать, по горячим следам — зафиксировать эти пертурбации, дать им характеристику и каким мерилом можно воспользоваться. Действительно ли всё настолько пессимистично? Случились ли коренные переломы? Или то, что мы видим сейчас, никак не выбивается из давно накатанной колеи?

Проще всего искать все эти ответы оказалось именно в области уголовного процесса.

Во-первых, потому, что у нас на руках уже есть достаточно материала, в том числе собранного за годы практической и научной работы Института. Опираясь на свой собственный опыт и точечные наработки, было гораздо проще нащупать те истончённые места, где риск разрыва оказывается наиболее осязаемым. А во-вторых, сфера уголовного процесса — какой его участок ни возьми — есть некий дистиллят, который лучше всего показывает самые болезненные точки взаимоотношений государства и граждан. Если что-то ломается или ухудшается внутри них — там, где наблюдение общественности меньше всего и, соответственно, выше риск нарушений, — то это само по себе является тревожным предвестником. В-третьих, уголовное судопроизводство есть то пространство, где под наибольшей угрозой (опять же, в силу закрытости и звенящего преимущества публичного над частным) находятся основные конституционные права граждан, идею ценности и верховенства которых Институт популяризирует уже без малого 30 лет.

Так и родилась идея аналитической записки, которую видит перед собой читатель. Ведя работу над этим исследованием, команда Института ставила перед собой две глобальные задачи. Первая из них сводилась к поиску ответа на вопрос о том, что изменилось в российском правоприменении за последний год. В качестве предмета исследования мы взяли все поисковые мероприятия в уголовном процессе и оперативно-разыскной работе — под ними мы понимаем обыски, выемки, осмотры и обследования[1]. С одной стороны, поступая таким образом, мы возвращаем нашу аудиторию к разговору, который благодаря докладу Александа Брестера ей предельно знаком, а с другой — в очередной раз поднимаем проблему соразмерности вмешательства в нормальную жизнь граждан и организаций в условиях, когда у государственных институтов возникает в этом необходимость (и имеется фактически неограниченная возможность).

Вторая наша задача сводится к попытке отойти от кабинетной юридической аналитики и добавить в привычный нам исследовательский алгоритм социологические методы. Наша работа по большей части строилась на опросах лиц, столкнувшихся с поисковыми мероприятиями: как юристов, так и простых людей. Всё это позволило нам обобщить их опыт, рассказать читателям об основных проблемах, усугубляющихся из года в год, и попутно сделать первый вывод о том, какая динамика складывается в правоприменении последних лет.

---

[1] Мы вводим это сквозное и объединяющее для всего исследования понятие в силу теоретической смежности и практической близости тактик и методов проведения этих действий в полицейско-следственной работе (которую как нельзя лучше разъяснил Александр Брестер год назад).

Методологическое введение, или Как мы выстраивали свою работу

Прежде чем приступить к презентации итогов проведённого нами анализа, видится необходимым прояснить те рамки, в которых мы удерживали всё исследование от начала до конца.

Сбор материалов

На первоначальном этапе мы проработали все кейсы, связанные с обысками, которые нам были известны. Сюда вошли как наработки Института, так и многочисленные сообщения СМИ за последние несколько лет, которые мы сумели найти. Весь этот этап сопровождался поиском теоретических источников и аналитических материалов, относящихся к нашей теме. Всё это позволило нам понять, в чём конкретно состоит наша цель, с чем мы работаем и с какой стороны подходить к работе.

Область

Наше исследование не является классическим «кабинетным» — это важно понимать для оценки его итогов. Нет никаких сомнений, что юридическая уголовно-процессуальная наука знает про обыски практически всё: как они регулируются законом, какие позиции определяли Верховный и Конституционный суды, в чём суть решений, вынесенных ЕСПЧ против России, где кроются ключевые проблемы — как на уровне теории, так и закона. На этом поприще мы бы едва ли смогли привнести что-то новое. Нам было важно погрузиться в вопрос с точки зрения рутинного правоприменения — практик, алгоритмов, методов, — чтобы суметь сформулировать гипотезу, метафору и исследовательский вопрос, на который мы хотели ответить по завершении работы. Внедрение социологических методов и смена привычной оптики позволили нам разбавить строго юридические классификации и сделать исследование, среди прочего, более понятным.

Метафора и гипотеза

Мы исходили из представления о том, что обыски и смежные с ним по принципу проведения мероприятия — это **некое легитимизированное через закон вторжение в нормальность**. Для лица, в отношении которого производится обыск, такое вторжение — это внезапное появление государства в жизни, последствия которого сиюминутно нивелировать практически невозможно. Для защитников и людей, работающих с обысками на профессиональной основе, вторжение в нормальность представляет собой нарушение законного порядка, которому юрист может и должен противостоять. Отсюда и родилась гипотеза, от которой мы отталкивались: тактики и методы, используемые правоохранителями для достижения целей раскрытия дела, **часто не соответствуют закону и средствам, им предоставляемым**, — **и с каждым годом это расхождение становится всё заметнее**.

Предмет и базовая дефиниция

В силу отхода от формально-юридического метода мы не проводим разграничения между оперативным обследованием и следственными действиями, закреплёнными в УПК РФ (обыском, выемкой и осмотром). Все эти процедуры мы объединяем в одном собирательном понятии — поисковые мероприятия.

Ключевой вопрос исследования и временные рамки

Поскольку стартовой задачей, выведшей нас к настоящей работе, была необходимость поиска и фиксации изменений последнего года, мы строили работу вокруг вопросов о том, (1) какие

нарушения — необязательно сугубо формальные и вытекающие из буквы закона — в рамках проведения поисковых мероприятий происходят чаще всего, (2) наблюдается ли последний год на практике отрицательная динамика, и если да, то (3) какой характер она носит. Временны́е границы исследования охватывали два периода: до 2022 года и после.

Что мы искали

Отталкиваясь от всего вышеизложенного и проделав предварительный анализ поля, мы обрисовали пул тем, интересующих нас больше всего. Для этого мы разделили наш предмет исследования — поисковые мероприятия — **на пять самостоятельных описательных блоков**:

(а) соответствие производимого действия установленной форме: соблюдаются ли на практике закреплённые алгоритмы проведения поисковых мероприятий, как выглядит и что в себе содержит санкция судьи или следователя (дознавателя) на их проведение, соответствует ли название мероприятия его содержанию и не происходит ли подмен следственного действия на ОРМ и т. п.;

(б) процедура проведения поискового мероприятия: какими методами пользуются правоохранители в самом широком смысле: от практик применения физической силы до способов поиска предметов и т. п.;

(в) участники поисковых мероприятий: кто ищет, у кого ищет, кто при поиске присутствует, как задействованные лица себя ведут и с какими ограничителями в моменте могут сталкиваться и т. п.;

(г) последствия поискового мероприятия: обстановка, остающаяся на месте поиска, судьба предметов, пути и перспективы обжалования и т. п.;

(д) контекст поискового мероприятия: в рамках какой статьи проводится поиск, резонанс вокруг дела и т. п.

Методы

Для поиска ответа на наши вопросы и описания всех интересующих нас блоков мы использовали методы кейс-стади, анкетирования и интервьюирования лиц, сталкивавшихся с обыском: как профессионалов, так и фигурантов дел. Далее в тексте нашего доклада мы в обобщённом виде расскажем о своих находках.

Все опросы проводились на принципах анонимности и беспристрастности с беспрекословным соблюдением всех принципов социологической этики. Вопросы в анкетах и гайдах строго соотносились с исследовательским вопросом и преследовали цель выявления ключевых для исследования индикаторов изменений. Мы искали респондентов из разных регионов, с разными стажем и спецификой работы, имевших опыт столкновения с разными типами поисковых мероприятий: в жилище, на рабочем месте, в личном транспорте. Тот же принцип беспристрастности мы ставили во главу угла и при интерпретации полученных результатов.

Три важных дисклеймера

- Нам не удалось включить в исследование опыт представителей государства: просто в силу невозможности получить доступ к действующим и недавно ушедшим со службы сотрудникам правоохранительных органов, для которых проведение обысков и смежных мероприятий является (являлось) рабочим средством к достижению прикладных задач: собрать информацию и/или получить доказательства в рамках уголовного дела). Это связано как с институциональными сложностями, так и с «иноагентским» статусом Института. Все результаты, представленные далее, выражают картину находящихся на условно противоположной стороне уголовного процесса и не отражают объяснений причин зафиксированных нарушений.

- Поскольку мы прицельно говорим об изменениях, произошедших за последний год, то стоит помнить о малом количестве времени, прошедшем с момента начала наших измерений. Как следствие, все оценки носят предварительный характер, требующие глубокого осмысления в дальнейшем.

- Команда исследователей, подготовившая данный материал, при сборе информации и интерпретации результатов исключает из анализа свой собственный опыт столкновения с обысками. Мы опирались на него при определении гипотезы и нащупывании вектора работы, но при изложении итогов мы используем только опыт наших респондентов и материалы дел, не имеющих к нам никакого отношения.

Похоже, что лучше не стало. Что показал опрос столкнувшихся с поисковыми мероприятиями

Ещё один важный дисклеймер

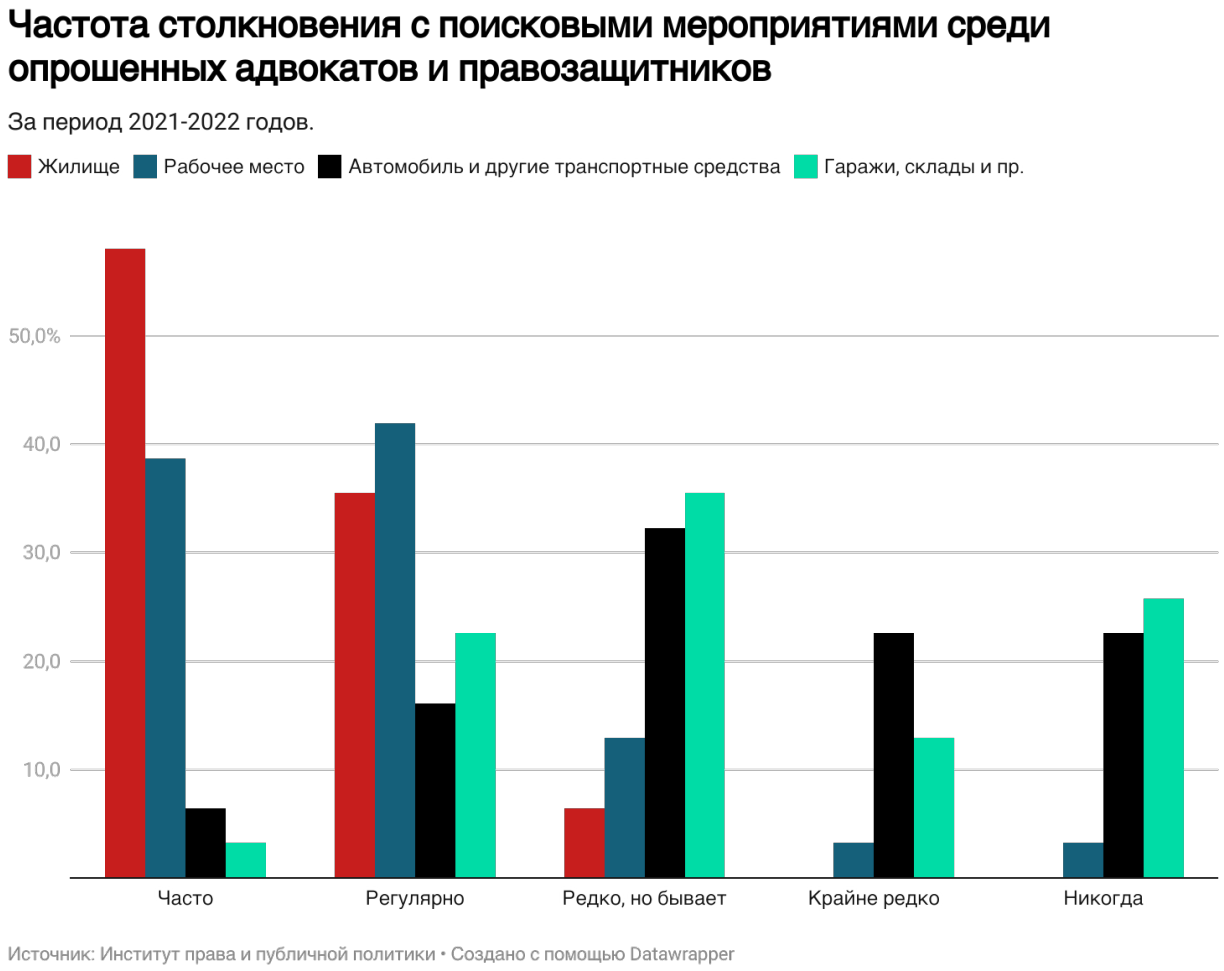
Данный опрос проводился в январе 2023 года и охватил несколько десятков человек из 21 региона страны. Примерно четверть от всех респондентов можно очень условно назвать «жертвами» поисковых мероприятий — то есть людьми, в отношении которых таковые производились (фигуранты дел, свидетели, лица без процессуального статуса). Остальные заполнившие анкету — люди, на профессиональной основе сталкивающиеся с обысками и смежными мероприятиями (адвокаты и правозащитники). Среди них были как новички в профессии, так и люди, годами занимающиеся юриспруденцией. Половина из них имела опыт работы в правоохранительных органах, включая ФСИН, и судах.

Анкета была нацелена на людей, имевших опыт поисковых мероприятий в последние два года, и распространялась по каналам Института (социальные сети, база подписчиков рассылки), через дружественные НКО, проекты, инициативы и СМИ. Чтобы не вводить читателя в заблуждение, важно сказать, что результаты, которые мы получили, нельзя назвать исключительно показательными ввиду нерепрезентативности выборки и коротких сроков опроса, и ссылаться на них как на истину в последней инстанции будет не совсем корректно. Анкетирование было первым этапом нашей работы, предшествовавшим проведению интервью, и ответы нам были нужны не для формирования выводов, а для первичной проверки гипотезы, уточнения исследовательских вопросов, формулирования гайдов и поиска людей, готовых поделиться с нами своим опытом в беседах.

Всё это позволило нам «прощупать» исследовательское поле и скорректировать дальнейшие этапы работы. Мы решили выборочно показать читателю собранные сведения, которые помогли нам в исследовании, чтобы ему было легче ориентироваться в результатах и выводах, изложенных далее.

С обыском в жилище респонденты встречаются чаще всего

Среди опрошенных нами адвокатов и правозащитников не было ни одного респондента, который в той или иной мере не сталкивался бы в своей работе с обысками, обследованиями, осмотрами и выемками в жилище. Ту же интенсивность показал и опрос «жертв»: три четверти всех опрошенных сказали, что силовики приходили к ним домой и ещё 12 % — на дачу.

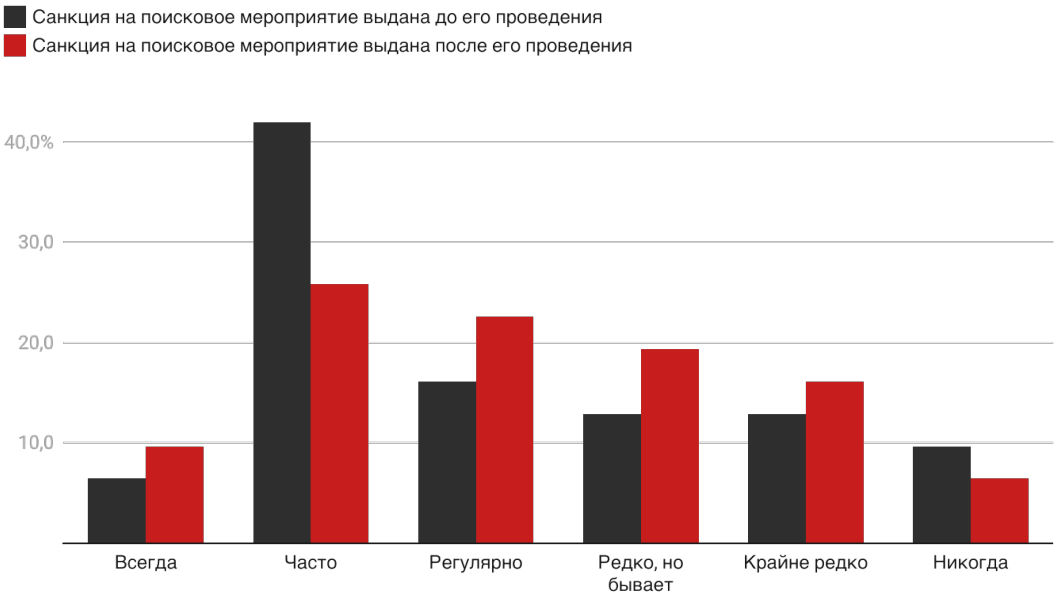


На втором месте по «популярности» — поисковые мероприятия на рабочих местах. При этом в случаях, когда речь идёт о жилище или любом другом месте, на поиск в котором нужна санкция суда, опрошенные рассказали о значительной доле последующего контроля. Другими словами, следователи и дознаватели порой предпочитают обращаться в суд за санкцией, например, на обыск, уже после того, как мероприятие завершено (и суды в более чем 95 % случаев соглашаются с его законностью[2]). Лишь немногим более 6 % опрошенных не сталкивались с последующим контролем.

[2] Расчёт по разделу 4 формы № 1 «Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции», ежеквартально публикуемой Судебным департаментом при Верховном Суде РФ.

Как часто адвокаты и правозащитники сталкиваются с предшествующей и последующей судебной санкцией на поисковое мероприятие

За период 2021-2022 годов



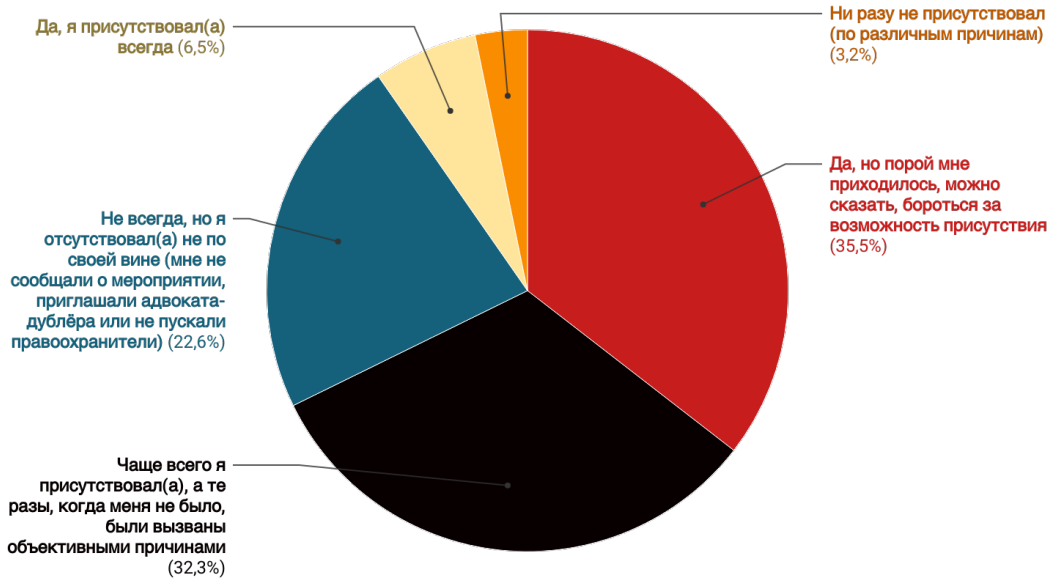
Случаи, которые не подразумевают судебную санкцию на поисковое мероприятие, не охватывались вопросом

Источник: Институт права и публичной политики • Создано с помощью Datawrapper

Адвокат на поисковом мероприятии присутствует не всегда (а иногда ему даже приходится пробиваться к доверителю)

Право на обязательное присутствие адвоката при проведении поискового мероприятия, в частности обысков, не закреплено в УПК — и эта проблема может существенно влиять на ход его производства, о чём подробно рассказывал в своём докладе Александр Брестер. Когда мы спросили, как часто защитникам приходится сталкиваться с препятствиями, когда те намереваются попасть на место проведения следственного действия или ОРМ, картина оказалась следующей.

Ответ на вопрос «Всегда ли за последние два года Вам удавалось присутствовать при проведении обысков и выемок, проходившими у Вас или Ваших доверителей?»

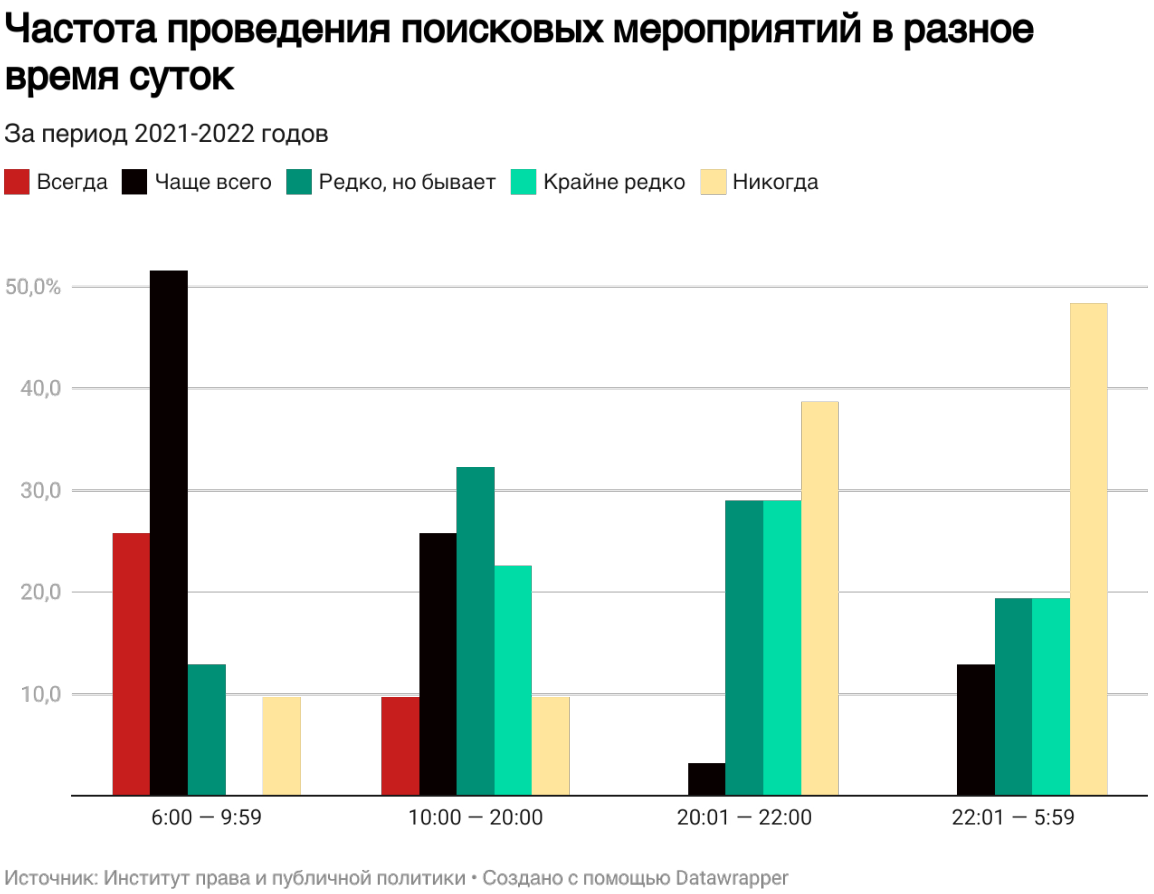


Источник: Институт права и публичной политики • Создано с помощью Datawrapper

Больше трети адвокатов борются за своё право присутствия, и только 6,5 % ответивших смогли похвастаться тем, что оказывались на месте событий всегда. Одновременно с этим 56,3 % опрошенных нами «жертв» обысков заявили, что при проведении поискового мероприятия в отношении их адвокат не присутствовал — при том, что треть от всех респондентов даже не понимали, в каком процессуальном статусе они находятся на момент события.

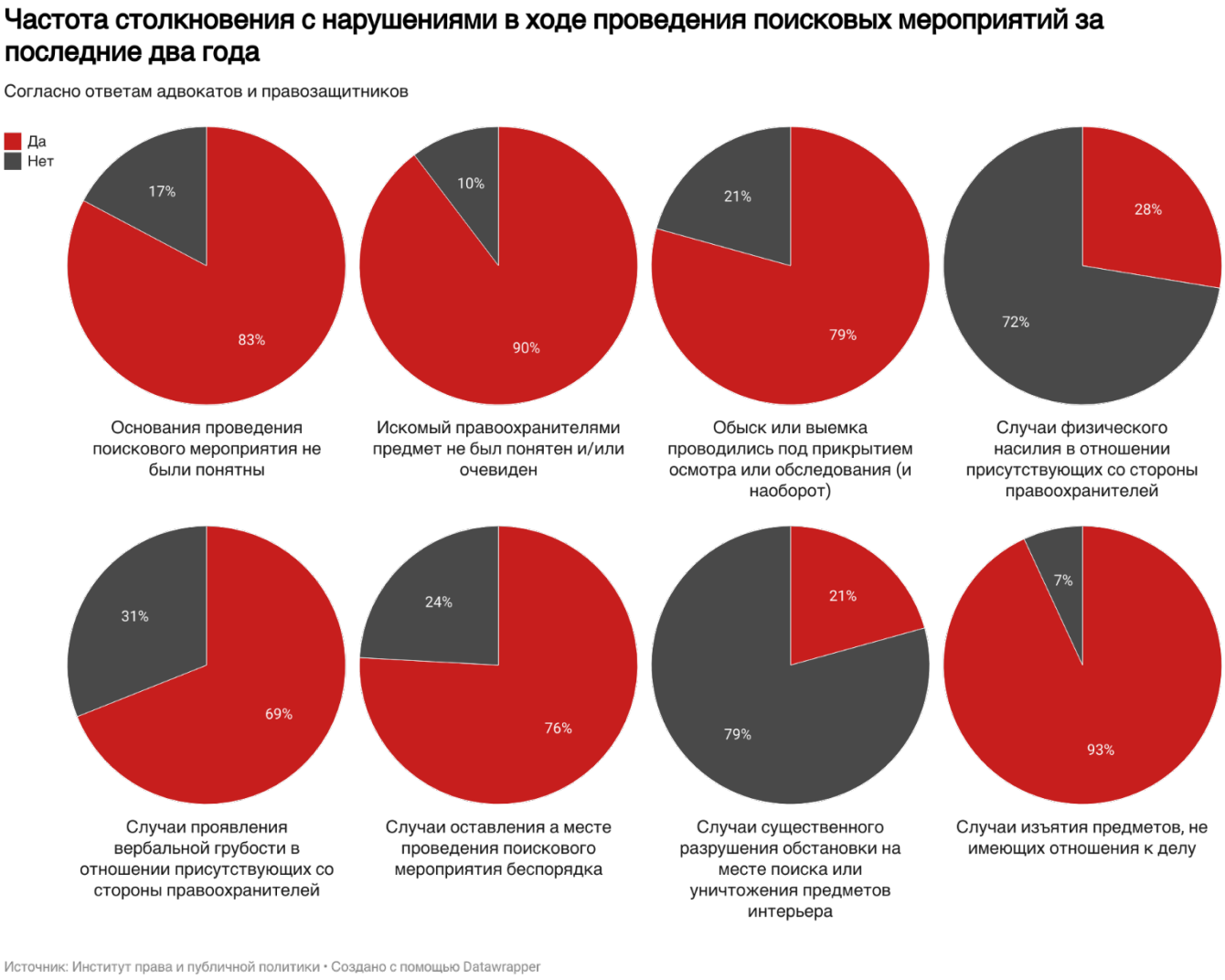
Правоохранители-жаворонки, или обыск проходит рано утром

По общему правилу, УПК разрешает проведение обысков (при отсутствии безотлагательности) в дневное время — с 6:00 до 22:00. Опрошенные адвокаты рассказали, что любимое время прихода силовиков — это раннее утро. Эти цифры косвенно подтвердили и интервьюируемые, о чём мы подробно расскажем в следующей главе, ведь ранний приход отвечает сразу двум целям: не нарушить правило, установленное законом, и застать обыскиваемого врасплох. Поисковые мероприятия вечером и ночью случаются, но скорее представляют собой исключение, а не правило. Опрос «жертв» частично совпал с цифрами ниже: половина нами опрошенных указала, что силовики приходили к ним в период с 6 до 10 утра.



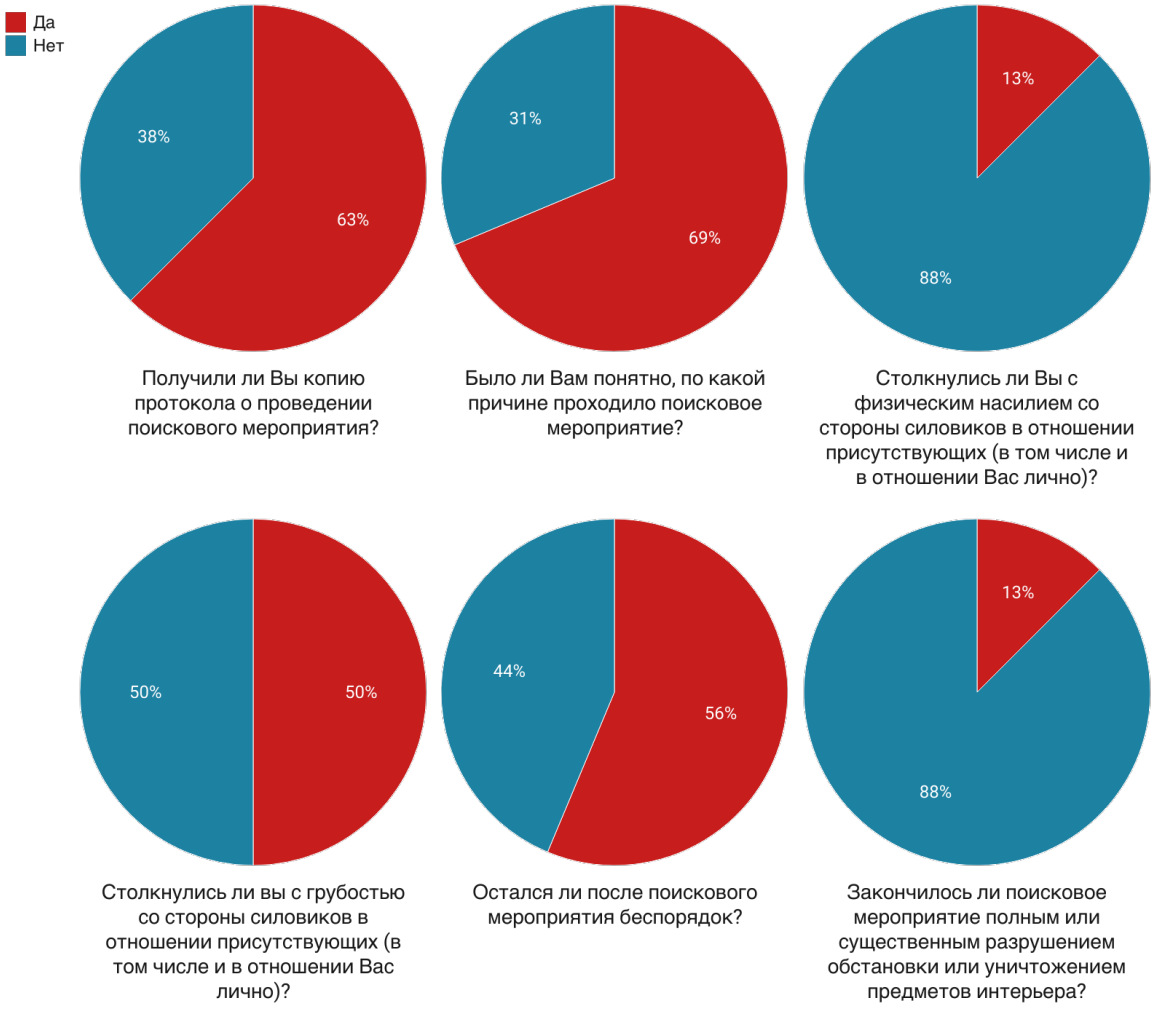
Идеальный поиск — большая редкость

Когда мы перешли к блоку вопросов о нарушениях, с которыми сталкиваются защитники, оказалось, что лишь 7 % опрошенных не на что пожаловаться. Остальные в той или иной степени с нарушениями встречались. У «жертв» поисковых мероприятий ситуация другая — ни один из принявших в опросе участие не отметил полное соответствие нормам закона и базовой этики.



Столкновения с нарушениями в ходе поискового мероприятия

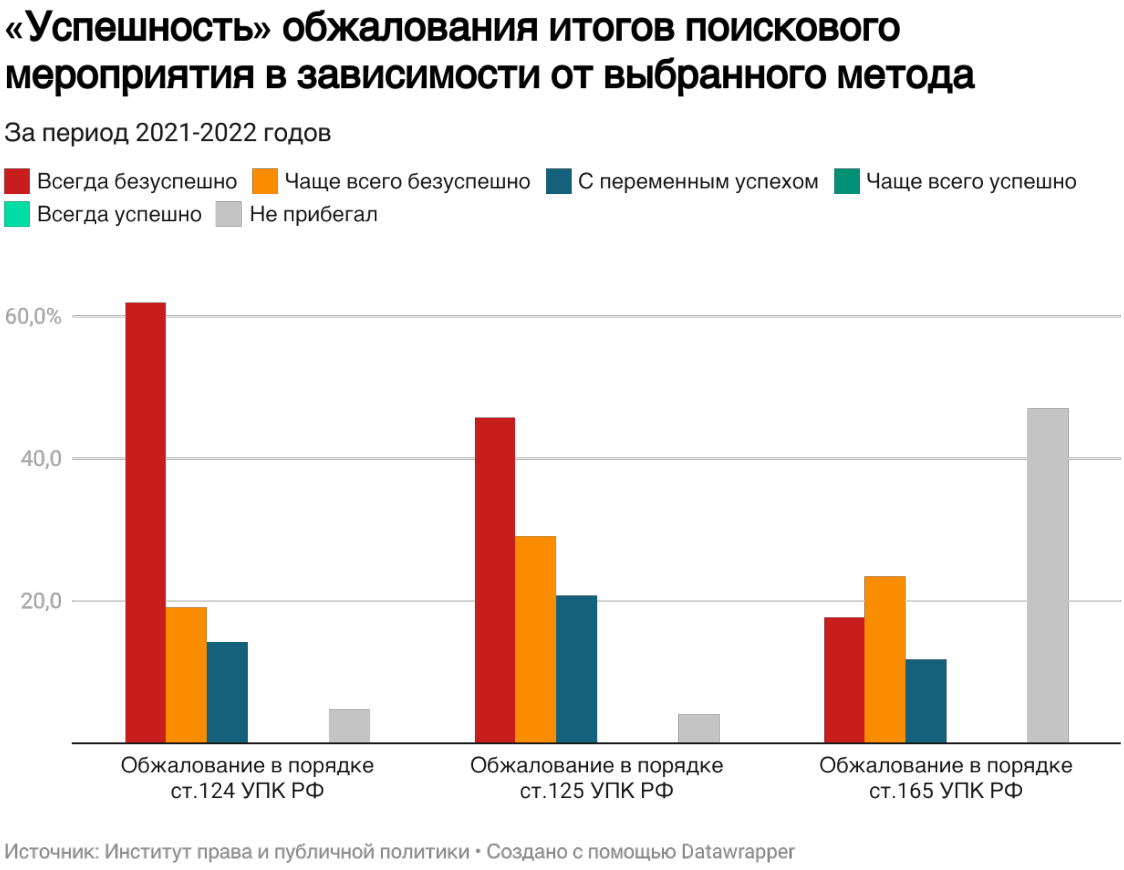
Согласно ответам лиц, в отношении которых оно проводилось



Источник: Институт права и публичной политики • Создано с помощью Datawrapper

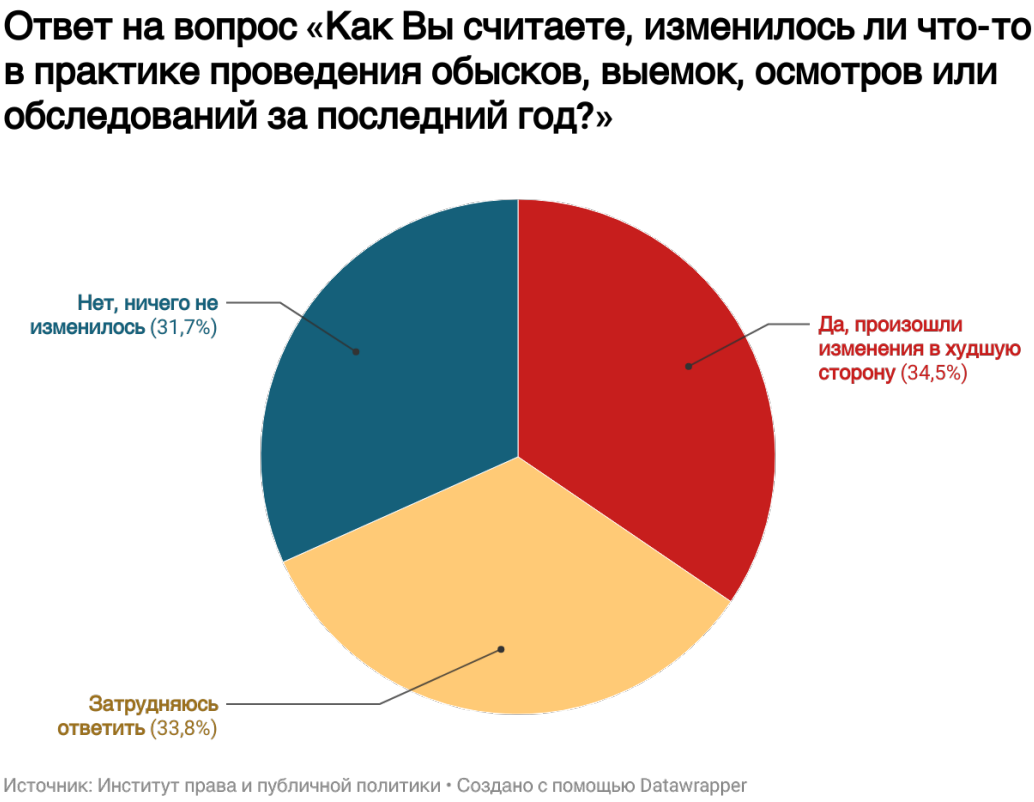
Обжалование нарушений часто не имеет смысла

Отвечая на вопрос о том, к каким методам обжалования предпочитают прибегать адвокаты и правозащитники, респонденты выделили три основных пути: использовать механизмы статьи 125 УПК (72,4 % опрошенных прибегали к нему хотя бы раз), 124 УПК (51,7 %) и 165 УПК (20,7 %). Каждый десятый вообще не имел опыта обжалования в последние годы, и только 3 % опрошенных оспаривают не итоги поисковых мероприятий, а постановление, санкционировавшее его проведение. Успех всех этих действий отражает график ниже.



Общая динамика отрицательная

Ситуация с поисковыми мероприятиями, по ощущениям респондентов, за последний год не улучшилась. Проверяя нашу гипотезу о том, что 2022 год может показать некоторые негативные тенденции (и даже пытаясь себя в этом разубедить), мы спросили у тех, кто сталкивался с поисковыми мероприятиями в последние два года регулярно, каковы их впечатления. Две трети ответивших либо не видят никаких изменений, либо фиксируют изменения со знаком минус. Среди опрошенных не было ни одного респондента, кто бы отметил положительные тенденции.



Примечание: среди вариантов ответа была строка «Да, произошли изменения в лучшую сторону», но никто из принявших в опросе участие его не выбрал.

«Очень понятный способ начать работу». Поисковые мероприятия в опыте защитников и фигурантов дел

Тактика и методы проведения поисковых мероприятий сильно различаются в зависимости от категории дела. Но есть одно общее

Новости и сообщения в социальных сетях и СМИ освещают поисковое мероприятие, как правило, в весьма пессимистичных красках — кажется, всё чаще в ход идут грубое отношение, разрушение предметов обстановки, а также показательная публикация видеозаписей обыска в сети «Интернет» (при чём зачастую такие видео выставляют обыскиваемого не в самом лучшем свете). Появляются отдельные сообщения о применении физической силы.

В ходе исследования мы провели несколько десятков глубинных полуформализованных интервью с людьми, сталкивавшимися в последние пару лет с различными поисковыми мероприятиями: среди них были адвокаты (как ведущие условно «общеуголовную» практику, так и те, что выступали защитниками по резонансным делам), правозащитники и лица, в отношении которых поиск производился (вне зависимости от их процессуального статуса и дальнейшего движения дела).

Дисклеймер

Разделение всей массы уголовных дел на общеуголовные (простые) и политические (громкие, резонансные) весьма условно и никак не связано со структурой Уголовного кодекса, который включает шесть самостоятельных разделов, охраняющих различные общественные отношения. Скорее, такое различение обусловлено логикой наших бесед и представлениями о правоприменении, которые разделяют все респонденты. В контексте данного исследования под первыми среди прочих понимаются наркотические, экономические преступления и любые посягательства на личность, а под вторыми — преступления, так или иначе связанные с государством и чаще остальных становящиеся предметом публичной огласки (связанные с митинговой активностью, различного рода высказываниями, за которые может наступить уголовная ответственность, а также вытекающие из политической деятельности).

Один из самых ярких результатов, что нам удалось получить, свёлся к тому, что тотальный беспредел, акцент на который делается в публичных сообщениях, в ходе поискового мероприятия **не является нормой или повсеместной практикой**. Поиск без нарушений действительно случается всё реже, что уже мало у кого вызывает удивление, — однако почти все адвокаты и защитники, занимающиеся преимущественно общеуголовной преступностью, фиксируют стабильную частоту лишь формальных или относительно негрубых нарушений, не переходящих границы очевидно противозаконного или неэтичного. И даже обращают внимание на отдельные случаи бережного отношения к присутствующим на обыске.

> *«Нарушения есть. Частая подмена обыска другой процедурой, игнорирование конкретных возражений адвоката (на осмотр определённых ящиков), даже досматриваются детские рюкзаки. Пытаются мешать снимать на видео. Однако вопиющих случаев нарушений [в моей практике] не было. <…> Прямой грубости не было. Зависит же от человека, но обычно всё вежливо».*
>
> Из интервью с адвокатом, чья практика ограничивается общеуголовной преступностью

> *«Было у нас ОРМ [оперативно-разыскное мероприятие]. Они [сотрудники] зашли, дети спали — раннее утро было. Они даже не заходили в комнаты детей и не будили их, тихо себя вели. Разулись даже!»*
>
> Из интервью с адвокатом, чья практика ограничивается общеуголовной преступностью

Вместе с тем защитники, занимающиеся только громкими делами — делами, в той или степени относящимися к повестке, которую они классифицируют как политическую, — равно как и адвокаты,

примерно в равном соотношении работающие как с резонансными, так и с простыми кейсами, фиксируют существенный рост произвола, разных форм насилия и проявлений откровенно грубого отношения со стороны правоохранителей в двух случаях: (1) если речь идёт о деле по политической статье и/или (2) если фигурант проходит по делу, возбуждённому по условно обычной статье, но в отношении известного человека. Другими словами, опрошенные адвокаты проводят водораздел по характеру дела, в рамках которого осуществляется поисковое мероприятие. **Чем больше в нём признаков политизации, тем выше риск, что правоохранители прибегнут к более жёстким методам**, а тактика обыска будет сопряжена с применением насилия, в том числе психологического. И с каждым годом ситуация становится, по наблюдению интервьюируемых, всё более очевидной и нормальной.

> *«С нарушениями [по обычным делам] сталкиваюсь часто, но все они разного уровня, не все из них серьёзные. [Например,] часто понятые не смотрят, что делают силовики. <…> Но по политическим делам больше "кошмарят", чем по обычным. И публичных людей больше не любят на обыске».*
>
> Из интервью с адвокатом, состоящим в правозащитном объединении и нередко работающим по громким делам

> *«Если по "экономике" [правоохранители] не соблюдают этические нормы, то в "политике" — особенно не соблюдают. <…> На политике изолируют людей друг от друга в квартире, [вводят] запрет на общение и перемещение, а по "экономике" так редко бывает, через час-полтора обычно отпускают "ненужных" людей. <…> Если дело резонансное/политическое — то переворачивают всё».*
>
> Из интервью с адвокатом, работающим по общеуголовной преступности, но имевшим опыт и в политических кейсах

О том же говорят и лица, в отношении которых производился поиск. В случае, если речь идёт о политическом кейсе, картина описанного разительно отличается от той, что воспроизводят фигуранты «обычных» дел.

> *«В квартиру правоохранители попали путём обмана. Предъявили какую-то непонятную бумагу и прямо запретили связаться с адвокатом. <…> Обыск проводился с использованием спецназа, сказали убрать руки за голову и оставаться на своих местах. Сказали не двигаться: "будете двигаться, вот автомат". <…> Один сотрудник в спортивной форме оказывал моральное давление, говорил, что мы "используем пиндосские слова", <…> говорил: "Вы бездельники, даже не работаете"».*
>
> Из интервью с фигурантом дела по статье 239 УК РФ[3].
> Сам интервьюируемый считает своё преследование политически мотивированным

Но обе категории кейсов — по словам всех адвокатов, давших нам интервью — объединяет один тактический ход, применяемый почти всегда: поисковые мероприятия нужны для того, чтобы начать дело. Их целью является не прицельное обнаружение каких-либо предметов, а поиск оснований, которые в будущем позволят дать производству полноценный ход, или же задержание интересующих следствие лиц.

> *«Только один обыск [в моей практике] преследовал цель реально найти документ, в остальных — либо ради формальных целей, либо хотели просто зайти в жилище, чтобы забрать оттуда человека».*
>
> Из интервью с адвокатом, работающим по общеуголовной преступности, но имевшим опыт и в политических кейсах

> *«Обыск — очень понятный способ начать работу».*
>
> Из интервью с адвокатом, специализирующимся на политических уголовных делах

[3] Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан.

Обыскиваемый почти всегда находится в уязвимом и одиноком положении, а косвенно пострадать может не только он

Ключевой особенностью всех поисковых мероприятий является относительно широкая дискреция правоохранителей, которая особенно ярко проявляется на фоне «слабости» обыскиваемой стороны. Одни в ходе проведения поисковых мероприятий действуют от имени государства (со всеми вытекающими полномочиями и возможностями), а другие — находятся в чрезвычайно уязвимом положении и в ограниченном пространстве для манёвра. Всё это сопровождается ощущением внезапности и растерянностью, которую испытывают участники обыска при виде правоохранителей.

При этом обыскиваемое лицо[4] практически всегда обладает ограниченным перечнем инструментов самозащиты, а порой и вовсе одиноко в своей ситуации. **Поисковое мероприятие представляет собой ситуативное и неожиданное столкновение двух сторон: первая — государство, вторая — условно говоря, «жертва» и её защитник**, если таковой имеется.

Как писал Александр Брестер: «Следователь должен прибегать к обыску в непростой следственной ситуации, когда ему нужно собрать следственный материал и есть риск, что доказательства будут сокрыты путём их намеренного уничтожения. Если же этот риск минимален или информацию можно получить иначе, обыск применяться не должен. Чем легче предполагаемое правонарушение, тем менее чувствительными должны быть принимаемые в ходе расследования меры, — из этого принципа исходит Европейский Суд по правам человека».

В реальности же поисковые мероприятия — в частности обыски — сопровождают практически каждое уголовное дело. **Вмешательство государства в привычный распорядок — это всегда стресс для простого человека**, а если сюда прибавляются ещё и злоупотребления со стороны правоохранителей, то ситуация может становиться критической.

> *«Когда я подробно опрашивал своих клиентов о прошедшем у них обыске — они говорили, что сотрудники были лысые. И я долго не мог понять, почему так? Но потом я смог ознакомиться с видеозаписью обыска, сделанной полицией. На записи сотрудники спецназа были в касках. И я понял, что они "лысые", потому что были в касках. Просто от испуга жертв каски отразились в сознании как гладкие черепа».*
>
> Из интервью с адвокатом, работающим по общеуголовной практике

Максимальный уровень стресса возникает у тех лиц, чьи жилища подвергаются обыску. В случае с производством поисковых мероприятий в офисах организаций или в кабинетах должностных лиц ситуация менее чувствительна, к ней легче подготовиться. Например, практикующие специалисты разрабатывают специализированные тренинги по поведению сотрудников на случай посещения офиса представителями правоохранительных органов. Также играет свою роль и тот фактор, что подобными мероприятиями реже затрагивается частная жизнь самих обыскиваемых, их семей, а поражение в профессиональных правах практически всегда менее болезненно, чем прав, обеспечивающих личную и бытовую безопасность.

Нередко к производству поисковых мероприятий привлекаются сотрудники специальных подразделений, вооружённые и облачённые в полные комплекты амуниции. Разумеется, порой участие спецназа в производстве поисковых мероприятий — необходимое условие. **Но вопрос пропорциональности такого вмешательства, когда речь не идёт о расследовании насильственного преступления или когда нет оснований считать, что подозреваемое лицо может быть вооружено, остаётся открытым**.

Иллюстрацией подобных кейсов могут служить обыски по условно политическим делам. В частности, наши респонденты рассказывали о случаях, когда спецназ врывался в жилище, угрожал оружием, приказывал в грубой форме лицам в помещении лечь на пол или встать к стене. В это время

---

[4] В данном тексте слово «обыскиваемый» применяется ко всем, в отношении кого проводились обыск, выемка, осмотр или обследование.

на них направляли оружие. Во всех этих случаях применение силы вряд ли можно было считать пропорциональным, а основная цель, по мнению опрошенных, заключалась не в сборе доказательств, а в устрашении. Вот краткие фабулы этих дел:

- дело о мошенничестве[5]: двух помощников депутата подозревали в том, что они необоснованно сообщили работодателю сведения о количестве рабочих часов, что привело к излишней выплате зарплаты в размере 11 и 16 тысяч рублей;
- дело о создании НКО, посягающей на личность и права граждан[6]: группу молодых людей обвиняли в призывах выходить на митинги;
- дело о дискредитации использования ВС РФ[7]: молодую пару обвиняли в распространении листовок.

Стресс всегда играет против обыскиваемых, но главное правовое последствие таких действий заключается в том, что **страх и растерянность провоцируют ошибки, осложняющие последующую защиту**.

> *«Самая крутая ошибка подзащитных! Ты им говоришь: "К вам могут прийти [с обыском] ещё раз. Прежде чем подойти к двери — позвоните мне". Она позвонила, когда они ушли. Говорит: "Стресс, муж испугался, было неожиданно". Это самая частая ошибка — генетический страх».*
>
> Из интервью с адвокатом, специализирующимся на политически мотивированных уголовных делах

Одной из основных ошибок, о которой говорят опрошенные адвокаты, является то, что обыскиваемые в ситуации стресса и растерянности не пытаются предпринять мер для обеспечения присутствия защитника. Вместе с тем его участие важно не только для юридического сопровождения и защиты от потенциального произвола, но и для психологической поддержки своего доверителя.

> *«В присутствии адвоката все себя ведут вежливо и корректно. Присутствие адвоката, безусловно, дисциплинирует».*
>
> Из интервью с адвокатом, специализирующимся на экономических и должностных преступлениях

> *«Адвокат нужен на обыске в психологических и адвокатских целях, чтобы человек чувствовал себя защищённым, чтобы он не чувствовал себя одним. Это немаловажно. И хотя это не юридическая работа, но это адвокатская работа. Без нас человек даже не поймет, так ли всё идёт, как должно быть».*
>
> Из интервью с адвокатом, специализирующимся на общеуголовной практике

Опрошенные говорят о ещё одной существенной проблеме: случается, что сотрудники правоохранительных органов не дают обыскиваемому связаться с адвокатом. Они могут указать, что вызвать адвоката можно после предъявления санкционирующих поисковое мероприятие документов, а затем — изымают все средства связи. Встречаются случаи, когда вызывать адвоката прямо запрещают.

> *«Сделать звонок адвокату нам прямо запретили под угрозой применения физической силы».*
>
> Из интервью с участником поискового мероприятия по делу об административном правонарушении (считает своё преследование политически мотивированным)

---

[5] Часть 1 статьи 159 УК «Мошенничество», максимальное наказание — лишение свободы до 2 лет.

[6] Часть 3 статьи 239 УК РФ, максимальное наказание — лишение свободы до 2 лет.

[7] Часть 1 статьи 20.3.3 КоАП РФ, максимальное наказание — штраф до 50 000 рублей.

«Я говорю: “А с защитником связаться можно?”. Они такие: “Нет, нельзя”. Ну хорошо, чё. Потом дали на подпись бумаги, где было написано, что право на адвоката было обеспечено. Я отказалась их подписывать».

Из интервью с участницей поискового мероприятия
(считает своё преследование политически мотивированным)

«Ещё не дают же звонить: телефон изымают и всё, никто не знает, что обыск. У них главная цель — не привлечь внимание».

Из интервью с адвокатом, специализирующимся
на политически мотивированных делах

Но даже если обыскиваемый всё же смог связаться с адвокатом, сотрудники правоохранительных органов в подавляющем большинстве случаев не дожидаются его прибытия. Как отмечают наши респонденты из адвокатского сообщества, **никто из них никогда не сталкивался с тем, чтобы сотрудники правоохранительных органов согласились дождаться защитника**. Впрочем, даже если адвокат прибудет к месту проведения обыска — не факт, что он сможет принять в нём участие. И такая ситуация, скорее всего, приобретает характер нормы.

«Первая задача, когда приезжаешь на обыск, — попасть на обыск. Хотя меня и всегда пускали на обыск. Для этого приходится пробиваться через спецназ, полицию, оперативников, чтобы они дали возможность поговорить с главным (как правило, следователем), чтобы договориться с ним, чтобы пройти к клиенту. Если адвокат доходит до того, кто принимает решение, — он проходит на обыск, как правило. Самый “весёлый” случай недопуска в моей практике — случай моего коллеги. Он приехал на обыск к известному в городе человеку, но дверь в подъезд была заблокирована какой-то палкой, то есть он даже не мог попасть в подъезд, чтобы хотя бы попытаться там пройти в помещение, где идёт обыск».

Из интервью с адвокатом, занимающимся общеуголовной практикой

Без участия адвоката в процессе производства обыска лицо оказывается в значительно более уязвимом положении и подвергается ещё большему стрессу, особенно учитывая, что в некоторых случаях обыскиваемый, как рассказывают наши респонденты, и вовсе не имеет процессуального статуса — а значит, не знает, что его ждёт дальше. Бывают и ситуации, когда ход и/или результаты поискового мероприятия становятся основанием для применения других мер воздействия. Получается, что поиск становится лишь частью цепи стрессовых для человека событий.

«Был обыск. Обыскиваемый попросил [у сотрудников правоохранительных органов] какие-то документы — в целом он имел на это право, но в итоге его положили мордой в пол и нарисовали ему 19.38».

Из интервью с адвокатом, специализирующимся
на политических и экономических преступлениях

«Угрозы оформить 19 3 всегда бывают. Говорят: “Ты думаешь, на обыске всё закончится? Сейчас тебе 19 3 выпишем”».

Из интервью с адвокатом, специализирующимся
на политических и экономических преступлениях

«После осмотра нас задержали и составили протоколы по 19 3 КоАП РФ. Из протоколов следовало, что мы якобы начали убегать из квартиры и матерились. Конечно, это была неправда. Мы всё время были в квартире и вели себя тихо».

Из интервью с участниками поискового мероприятия
в рамках дела об административном правонарушении

[8] Статья КоАП РФ «Неповиновение законному требованию сотрудника полиции».

Любые поисковые мероприятия являются потенциальным риском для морального состояния тех, кто присутствует в помещении, где они производятся. И это касается не только самих обыскиваемых, для которых такие последствия в некоторым смысле неизбежны в силу закона. На обысках в жилище могут присутствовать соседи, родственники или дети, а в офисах — сотрудники. Наши респонденты в интервью рассказывали о случаях некорректного обращения с посторонними.

> *«Если долго не открывали двери — могут провести личный досмотр всех присутствующих. <…> Был случай, когда мать с ребенком просила отпустить её, потому что была запись в поликлинику. Сотрудники согласились, но подвергли её унизительной процедуре личного обыска. Всё при детях происходит, стресс, они плачут — всё на их глазах».*
>
> Из интервью с адвокатом, специализирующимся на экономических и политических делах

Вопрос с присутствием детей стоит наиболее остро, о чём уже не раз говорили правозащитники. Опрошенные участники поисковых мероприятий также сообщали нам о нарушениях в отношении несовершеннолетних.

> *«У фсбшников была видеозапись с камер, где видно, что листовки расклеивают девушка и подросток (девочка). Они считали, что девушка — это я, а девочка — моя племянница. Поэтому параллельно моему обыску они пришли к моей сестре в дом. Но в доме были только дети: они отмечали день рождения. Силовики нагло без родителей допросили детей».*
>
> Из интервью участницы поискового мероприятия по делу, которое она сама считает политически мотивированным

Также особый стресс для обыскиваемого может провоцировать наличие в месте поискового мероприятия домашних животных. В условиях, когда лица ограничены в передвижении, беспокойство за питомцев может усиливать напряжение и чувство беспомощности.

> *«У нас коты. Мы просили [правоохранителей] закрывать дверь, так как менты ходили туда-сюда. Мы чуть не потеряли кота, он чуть не убежал».*
>
> Из интервью участника поискового мероприятия по делу, которое он сам считает политически мотивированным

Однако справедливо будет отметить, что перечисленные **нарушения со стороны правоохранителей не являются повсеместной практикой**. Встречаются и ситуации, когда сотрудники правоохранительных органов ведут себя достаточно уважительно.

> *«Когда у меня был обыск с детьми, который проводили сотрудники ФСБ, — к ним [детям] довольно лояльно отнеслись. Их вместе с кем-то из взрослых разместили в одной комнате. Без какой-то особой жести».*
>
> Из интервью с адвокатом, специализирующимся на политических и экономических делах

> *«Однако стоит отметить, что в ряде случаев — к сожалению, единичных — представители государства учитывали интересы детей: например, предлагали опекающему взрослому уйти с ребёнком с места обыска или задержания, чтобы не травмировать его психику, просили взрослого проговорить с ребёнком происходящее или давали попрощаться при задержании».*
>
> Цитата из доклада Команды против пыток «Невидимые свидетели: как в России проходят полицейские операции в присутствии детей»

Этика редко определяет поведение правоохранителей — и это проявляется не только в отношении к обыскиваемым

В случаях, когда мы подчёркиваем проблему уязвимости и ситуативной слабости обыскиваемых лиц, нельзя не говорить о тех, кто руководит ситуацией напряжённости и играет в ней главенствующую роль. Соблюдение гласных и негласных норм этики сотрудниками правоохранительных органов при проведении поисковых мероприятий остаётся сложным и достаточно болезненным вопросом. Наиболее частые случаи нарушения, по мнению наших респондентов, связаны с утренними обысками и оставляемой после себя окружающей обстановкой, а также общим поведением правоохранителей при взаимодействии с окружающими.

С одной стороны, **в обычной ситуации сотрудники ведут себя в целом так, как того и требует ситуация, не проявляя излишней грубости и даже формально следуя всем нормам закона**. С другой — **нередко имеет место проявление откровенного неуважения** к обыскиваемым, свидетелям и посторонним или даже к предметам их бытовой обстановки. Такое отношение правоохранителей провоцирует зеркальный пренебрежительный эффект у тех, кто не раз сталкивался с вторжением силовиков — они могут описывать их работу в негативных и даже ироничных коннотациях:

> *«Люди в масках*[9] *отрываются по полной, потому что им скучно, а обыск для них — возможность размяться».*
>
> Из интервью с адвокатом, специализирующимся на политических делах

Опрошенные нами защитники фиксируют, что поисковые мероприятия в жилище практически всегда проводятся рано утром, потому что преследуют цель застать человека врасплох. А обыски в офисах и других помещениях чаще происходят днём, когда присутствующие там люди уже пришли на работу. Люди, с обыском к которым пришли домой, оказываются в полной растерянности, не понимают, что им делать. Утренние визиты хоть и соответствуют всем требованиям закона и даже могут оправданы соображениями рациональности, но, по мнению опрошенных — как защитников, так и непосредственных участников — в большинстве случаев не могут считаться целесообразными, гуманными и этичными.

> *«Обыск в 6 утра — самое неприятное. Человек ещё не проснулся, думать не начал, а ему уже дверь ломают».*
>
> Из интервью с адвокатом, специализирующимся на политических уголовных делах

> *«Логика производства обыска по утрам такая. Если вы приходите в жилище утром, то это, скорее всего, время, когда человек дома, следовательно, вы его точно там застанете. Вторая причина — чтобы за весь день успеть сделать массив других действий: иные обыски, допросы и прочее».*
>
> Из интервью с адвокатом, занимающимся общеуголовной практикой

Нередкой является ситуация, когда сотрудники правоохранительных органов прямо не сообщают, что пришли в жилище именно они и именно с целью обыска. Разными способами (в том числе с привлечением посторонних), используя обман и манипуляции, они пытаются попасть в жилище.

> *«Нам рано утром позвонил хозяин квартиры, которую мы снимаем, и сообщил, что мы травим соседа. Он сказал, что пришёл, и попросил открыть двери. Как только я открыла дверь — в квартиру ворвался спецназ».*
>
> Из интервью участницы поискового мероприятия по делу, которое она сама считает политически мотивированным

[9] Имеются в виду правоохранители в амуниции: касках, жилетах, щитках и т. д.

«Началось всё с того, что позвонил в квартиру какой-то человек в штатском и попросил открыть дверь. Сказал, что что-то с трубами или что-то в доме. Один человек стоял. Открывается дверь, и тут же в квартире оказалось где-то пятеро омоновцев с автоматами».

Из интервью участника поискового мероприятия по делу,
которое он сам считает политически мотивированным

Опрошенные нами участники поисковых мероприятий рассказывали о некорректном поведении правоохранителей — последние могли оскорбительно выражаться, отпускать небрежные комментарии или откровенно неуважительно относиться к личным вещам. Такие действия могут вызывать чувство подавленности и незащищённости, что ещё сильнее сказывается на моральном состоянии обыскиваемого.

«Они не стеснялись в выражениях, угрожали постоянно, отпускали пошлые шутки. Например, они нашли мою [интимную] игрушку и сказали: "[с ухмылкой] Ну это мы вам оставим, вам потом пригодится"».

Из интервью с лицом, в отношении которого производился обыск в жилище

«Один [из проводящих обыск] был вежливый, второму было [всё равно], а третий был злой. Если бы он был один, то избил [бы] меня. В туалет я ходила под присмотром сотрудников ОМОНа, и дверь была в туалет открытая».

Из интервью с женщиной, в отношении которой производился обыск в жилище

Опрошенные нами адвокаты утверждают, что в подавляющем большинстве случаев сотрудники правоохранительных органов не применяют ни физического, ни психологического насилия к участникам поисковых мероприятий. Однако ситуация меняется, если правоохранителям необходимо быстро получить доступ к технике: тогда их поведение может быть обусловлено желанием получить пароли от носителей информации.

«Моему мужу угрожали сотрудники ФСБ, потому что он отказывался называть пароль от компьютера, на котором был зашифрован жёсткий диск».

Из интервью участницы поискового мероприятия по делу,
которое она сама считает политически мотивированным

«Нет же обязанности дать пароль от телефона. У меня подзащитного оперативники ФСБ били минут 15 в коридоре. Без шуток. Но он так и не дал пароль от телефона».

Из интервью с адвокатом, специализирующимся на политических делах

«[Проводящие обыск правоохранители] начали угрожать, что будут сейчас все ломать, потому что не смогли найти у нас никакой техники».

Из интервью участника поискового мероприятия по делу,
которое он сам считает политически мотивированным

С пренебрежительным отношением со стороны сотрудников, не считая случаев недопуска, описанных выше, сталкиваются порой и сами адвокаты. Чаще всего это проявляется в форме сарказма и вербальной грубости.

«Они [правоохранители] пытаются как будто задеть. Переговариваются в третьем лице. Например, говорят: "Я вот такого никогда не видел, чтобы адвокат всё описывал, что мы изымаем. И что вот она будет писать все до вечера? Помнишь, ты ездил в командировку и изъял там сто тонн чего-нибудь и что у тебя там адвокат всё не описывал?" Такое вот пренебрежительное отношение».

Из интервью с адвокатом, занимающейся общеуголовной практикой

Одним из маркеров, позволяющих оценить поведение следователей, является их отношение к оставляемой после себя обстановке.

С одной стороны, опрошенные нами адвокаты сходятся во мнении, что в большинстве случаев после визита правоохранительных органов окружающая обстановка в помещении остаётся изменённой (беспорядок), но существенно не повреждённой (без ущерба имуществу). Чаще всего обыск проходит так, как и должен: силовики осматривают помещение и проверяют все места, где может что-либо храниться. Особенно такое описание подходит к кейсам, когда поисковое мероприятие производится формально, для галочки.

> *«Погромов жилища в моём присутствии никогда не было. Но беспорядок есть беспорядок. Естественно, обыск — это поисковое действие, и он сопровождается тем, что всё переворачивают (с разной степенью интенсивности)».*
>
> Из интервью с адвокатом, специализирующимся на экономических и должностных преступлениях

> *«Такого, чтобы, прям как в кино, всё разнесли, у меня [в адвокатской практике] не было».*
>
> Из интервью с адвокатом, занимающимся общеуголовной преступностью

> *«Очень редко в ходе обыска происходит ситуация, когда всё перерывают. Моя теория такая: это связано с тем, что обыску чаще всего предваряют оперативные действия и оперативники уже были в этом помещении. И когда они приходят в первый раз в рамках ОРМ и у них действительно есть оперативная цель — они лезут везде и перерывают всё. Во время [повторного] обыска они просто формально забирают новую технику, купленную взамен изъятой раньше».*
>
> Из интервью с адвокатом, занимающимся общеуголовной практикой

С другой стороны, встречаются и погромы. Они чаще всего связаны с поисковыми мероприятиями по политическим уголовным делам и делам, которые подследственны, по словам наших респондентов, Федеральной службе безопасности. **Но таких кейсов в общей массе уголовных дел немного**.

С этим же связана и другая проблема: существенное изменение обстановки, причинение ощутимого материального ущерба, что, например, происходит со срезанием дверных замков и даже демонтажем дверных конструкций, уничтожением или повреждением потолков, полов и стен. Несомненно, вскрытие дверей в некоторых случаях может быть оправданным: если, например, обыскиваемый намеренно скрывается или для безотлагательного попадания внутрь помещения есть разумные причины — будь то реальный риск уничтожения доказательств или угроза жизни находящихся внутри лиц. И такие мотивы никак нельзя считать противоречащими этике и закону.

В противном же случае значительная порча имущества не может считаться пропорциональной и соразмерной, что особенно заметно на примере резонансных кейсов. Вместе с тем мы знаем, что уничтожение доказательств или воспрепятствование судопроизводству — это не единственный мотив для отказа людей быстро открыть двери. Зачастую жертвы просто спят, ждут адвоката, одеваются или находятся в состоянии растерянности, принимая решение о дальнейших действиях.

Обыск — не совсем обыск. С одной стороны, он проводится под прикрытием смежных мероприятий, с другой — растворяет в себе другие следственные действия

Опрошенные нами адвокаты сходятся во мнении, что обыск — это следственное действие, которое зачастую «открывает» уголовное дело. Другими словами, сотрудники правоохранительных органов приходят с обыском не по причине того, что у них действительно есть «достаточные основания полагать», что в каком-либо помещении есть что-то, что позволит раскрыть уголовное дело, а чтобы

получить любые данные, на основании которых можно начать серьёзную работу. С некоторой долей допущения то же самое можно применить и к другим поисковым мероприятиям.

> *«Обыск стал следственным действием, которое делается для галочки, потому что так принято, по инерции, потому что это следственное действие, которое можно совершить, потому что [оно делает] дело толще, дело серьёзнее, никто не предъявит и не спросит, почему вы не провели обыск, если вы могли провести обыск».*
>
> Из интервью с адвокатом, занимающимся общеуголовной практикой

При этом, как утверждают адвокаты, поисковые мероприятия проходят примерно по 90 % уголовных дел. Национальное законодательство, с одной стороны, однозначно в своей позиции: любое поисковое мероприятие — следственное действие или оперативно-разыскное мероприятие — требует оперативной, следственной или судебной санкции на его проведение и преследует конкретную цель. С другой стороны, **строгость закона зачастую нивелируется сложившейся практикой, позволяющей мотивировать поиск общими формулировками и подменять одни виды мероприятий другими**.

Опрошенные нами адвокаты замечают, что под видом оперативного обследования практически регулярно проводятся обыски, цель которых — нащупать, возможно ли возбуждение уголовного дела в отношении того или иного фигуранта[10]. Но иногда юристы находят и другие объяснения:

> *«Часто происходит подмена обыска оперативными мероприятиями. По экономическим делам [некоторые] владельцы бизнеса расценивают такие обыски как форму вымогательства денег».*
>
> Из интервью с адвокатом, специализирующимся на экономических делах

> *«Я знаю, что обыски используются как способы ведения “боевых” действий между воюющими корпорациями. Например, [бывают случаи, когда сотрудники правоохранительных органов] приходят и буквально в рамках обыска уничтожают офис: выдирают провода, ломают всё, что там лежит. Но это, конечно, экстраординарно и чаще происходит в Москве».*
>
> Из интервью с адвокатом, занимающимся общеуголовной практикой

Особенно остро стоит проблема подмены следственных действий и ОРМ по уголовным делам, где поисковое мероприятие связано с проникновением в жильё: в силу того, что здесь на первый план выходит необходимость защиты конституционных прав на неприкосновенность жилища и частной жизни.

> *«Часто происходит подмена. По моим ощущениям, любое дело, оперативное сопровождение которого ведёт ФСБ, всегда первый заход в квартиру — это по сути обыск, который назван осмотром. Изымают всё и пишут, что всё выдано добровольно. А формальный обыск уже потом, когда дело возбудят. Этим грешат и обычные “опера”. Это у них что-то вроде разведки — так и говорят: “мы просто посмотреть”».*
>
> Из интервью с адвокатом, занимающимся общеуголовной практикой

Обостряется ситуация в кейсах, в которых имеется политический подтекст или общественный резонанс. Адвокаты, работающие по таким делам, чаще открыты к диалогу, а правозащитные организации фиксируют сотни случаев подмен и нарушений.

---

[10] Подробнее о практике подмены мероприятий — здесь.

Примеры, процитированные с сайта правозащитного проекта «ОВД-Инфо» (объединение, признанное иностранным агентом)

- *«Адвокат сообщила, что у ее подзащитного провели обыск и изъяли мобильный телефон […] Правозащитница Н. сообщила, что проводился "осмотр жилого помещения"».*
- *«Прошел не обыск, а осмотр помещения в рамках административного дела […]. Изъяли мобильный телефон и служебный ноутбук».*
- *«Осмотр (офисного — прим.) помещения […] длится уже 5 часов. […] Изъяли ноутбук, два жёстких диска и литературу».*
- *«Это был не обыск, а обследование помещения. […] Изъяли четыре видеокамеры».*
- *«Задержали, после чего привезли домой и провели там "осмотр". […] Изъяли технику, однако в постановлении суда написано обратное».*
- *«Обыск (в офисе — прим.) проводили полицейские и сотрудники ОМОН. При этом мероприятия проходили в виде "осмотра" в рамках административного дела. […] Силовики изъяли все телефоны и остальную технику».*

Доказать наличие нарушения в виде подмены на уровне судебного контроля практически невозможно, о чём говорят как наши респонденты, так и практика высших судов за последний год, которую нам удалось обнаружить и проанализировать. Это связано как с законодательной неопределённостью и отсутствием понятных критериев разграничения между смежными поисковыми мероприятиями, так и общим отношением судов к проблеме подмены.

> *«Суды [в деятельность правоохранителей, проводящих поисковые мероприятия] не вмешиваются. Суды не видят ценности в неприкосновенности жилища — им это кажется чепухой. [Силовики же] не понимают психологический эффект [от вторжения в жилище] — для них это слишком эфемерное, слишком высокий уровень культуры нужен».*
>
> Из интервью с адвокатом, специализирующимся на политически мотивированных делах

Ещё одна ситуация подмены может касаться случаев, когда в ходе поискового мероприятия лицу задаются вопросы, ответы на которые могут сыграть существенную роль в дальнейшем расследовании дела, негативно повлиять на траекторию защиты и усилить состояние растерянности. **Фактически в рамках поискового мероприятия проводится допрос**. Особенно остро эта проблема проявляется в ситуациях неясного процессуального статуса[11] у обыскиваемого и невозможности дождаться или вызвать защитника. Появляются ли у обыскиваемого права, гарантированные при допросе, и если да, то как определить их объём, если нет процессуального статуса?

> *«Мне говорят: "[такого-то человека] знаете?" […] Потом: "рассказывайте, что вы делаете в этой квартире, пароль от телефона скажите, на кого квартира оформлена, кто прописан, чем занимаетесь [в жизни]"».*
>
> Из интервью с лицом, у которого проходил обыск

> *«Бывает, что начинают прям на обыске допрашивать. Даже оперативные сотрудники, у которых нет поручения на допрос. Так же и по "экономике" — поймают какого-то бухгалтера или сотрудника финотдела и тоже решают его допросить на всякий случай».*
>
> Из интервью с адвокатом, специализирующимся на общеуголовной практике и имеющим опыт работы по политическим делам

[11] По примерной оценке опрошенных нами респондентов-адвокатов, у половины обыскиваемых на момент проведения мероприятия нет никакого процессуального статуса.

Поисковое мероприятие требует санкции — решение о его проведении должно быть мотивированным и давать представление о предмете поиска. Но на практике это требование формально

Косвенно способствует проблеме подмены и другое правоприменительное явление, которое фиксируют практически все опрошенные нами адвокаты и правозащитники: санкция на поисковое мероприятие — выражена ли она в форме оперативного распоряжения или же постановления суда или следствия — **формулируется в абстрактных выражениях и никак не указывает на предмет поиска**. И этот пробел фиксируется по всем категориям дел, вне зависимости от наличия общественного интереса или резонанса.

Другими словами, как санкции на поисковое мероприятие, так и решения, выносимые по итогам судебного контроля, зачастую не дают представления о том, что именно послужило основанием для поиска и какие предметы или лицо необходимо было отыскать. **На практике используется стандартная формулировка из закона**: «имеются достаточные данные полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться объекты, имеющие значение для дела». Какие именно основания и почему они достаточны — остаётся вне процессуальных документов и порой вне понимания самих правоохранителей.

> *«Ни один адвокат не даст вам мотивированное постановление. Не бывает в России [так, что] даже при наличии оснований для обыска будет обоснованная санкция. Суды в оперативную работу следствия не вмешиваются. Вообще. Даже в тех случаях, когда я, анализируя дело, понимаю, что обосновать необходимость обыска можно, — но даже в этом случае [правоприменители] этого не делают».*
>
> Из интервью с адвокатом, занимающимся общеуголовной практикой

Также крайне редки ситуации, когда правоохранители однозначно очерчивают спектр конкретных предметов, которые им необходимо обнаружить в ходе поискового мероприятия. Формулировка «имеет значения для дела» создаёт фактически ничем не ограниченную дискрецию на изъятие.

> *«По “экономике” обыски проводят часто оперативники. Они не знают, что имеет отношение к делу, а что нет. Они сгребают всё в кучу и забирают».*
>
> Из интервью с адвокатом, специализирующимся на защите предпринимателей

> *«Дело было политико-экономическое. Моих друзей подозревали в том, что они как помощники оппозиционных депутатов украли свою зарплату. В ходе обыска у нас изъяли много политического мерча <…> Изъяли у меня всю канцелярию, аргументируя это тем, что мол вдруг я ей что-то противозаконное рисовала!»*
>
> Из интервью с обыскиваемой (считает своё преследование политически мотивированным)

> *«Я знаю только один обыск, когда реально понимали, что ищут, искали конкретно это и нашли. Но мотивировка всё равно была слабая, конкретный искомый предмет всё равно прямо не был указан».*
>
> Из интервью с адвокатом, специализирующимся на общеуголовных делах

Если речь идёт не о выемке (когда УПК требует уточнения искомого), а, например, об обыске, то такой подход правоохранителей, позволяющий не конкретизировать изымаемое, по мнению Верховного Суда, проблемы не представляет, так как формально он полностью соответствует закону: «*Какого-либо запрета на изъятие в ходе обыска предметов, не указанных в постановлении о производстве обыска, уголовно-процессуальный закон не устанавливает*». И действительно, это может иметь разумные основания, ведь порой найденные предметы, к обнаружению которых правоохранители не стремились, могут сыграть ключевую роль в доказывании. Однако на практике это нередко приводит к тому, что изъятию подлежат даже откровенно не имеющие отношения к делу предметы.

«Часто в санкционирующих [поисковое мероприятие] документах указывают пространную формулировку: “предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела”. И из-за этой формулировки загребают всё подряд: фотографии, блокноты, тетради из средней школы — всякую [ерунду]. Всё, [что есть в помещении,] конечно, не заберёшь, но есть хаос: если это электронные носители информации — берут всё, если это документы с бухгалтерией — с коробками всё подряд тоже [забирают]».

Из интервью с адвокатом, специализирующимся
на экономических и политических делах

Из всего вышеописанного вытекает одна существенная проблема: при отсутствии хотя бы примерной идентификации искомого в документах **обыскиваемое лицо не может предпринять никаких мер, чтобы избежать проведения поискового мероприятия или минимизировать его последствия**. В случае со следственными действиями правоохранители должны предложить обыскиваемому самостоятельно выдать искомое, но если он не знает, о каких именно предметах идёт речь, если они не обозначены в постановлении, то и выдать их не представляется возможным. А что «имеет значение для уголовного дела» — остаётся в пределах усмотрения правоприменителя.

«Обычно формально при производстве обыска предлагают выдать искомые предметы. Но есть проблема: они прямо говорят: “выдайте то, что имеет отношение к делу”. Забавный момент, это же проблематично. Кто из обыскиваемых знает, что там за дело?»

Из интервью с адвокатом, специализирующимся на общеуголовной практике

«На бумаге непонятно, что ищут. На бумаге — “на месте решим”».

Из интервью с адвокатом, специализирующимся на общеуголовной практике

«Достаточно часто бывает, что по большим уголовным делам сотрудник, который проводит обыск, он не знает сути дела. У него есть какая-то инструкция или памятка, где, условно, написано: “Ищем всё про ООО «Рога и Копыта»”. И вот любая бумажка, где это написано, изымается».

Из интервью с адвокатом, специализирующимся
на экономических и должностных преступлениях

Особо правоохранителей интересует техника, а вернуть изъятое — отдельная задача, зачастую требующая огромных усилий

Опрошенные нами лица, пережившие обыск, адвокаты и правозащитники обращают особое внимание: чаще всего первое и главное, что интересует сотрудников правоохранительных органов, — это гаджеты и носители информации. Утеря таких предметов может вызывать особые сложности, ведь в современном мире в одном телефоне может быть сосредоточено огромное количество важных для повседневной жизни вещей: от контактов родственников и фотографий до банковских счетов и «умного» дома. По той же причине техника интересует правоохранителей в первую очередь: **содержащаяся в ней информация может стать источником особо ценных сведений**.

«На обыске их [правоохранителей] интересовала только техника. Телефоны и ноутбуки изъяли. В целом квартиры обыскивали, находили что-то, что вызывало их интерес, но ничего больше не изъяли».

Интервью с лицом, в отношении которого проводился обыск

«На обысках в жилище технику изымают сразу и всю. По “экономике” изымают рабочую технику, а телефоны сотрудников, которые забирают в начале, по окончании обыска возвращают».

Из интервью с адвокатом, специализирующимся на экономических делах

Ещё одна важная проблема, связанная с поисковыми мероприятиями, — это судьба изымаемых предметов, даже если они очевидно не имеют значения для дела. **На этапе, когда инициируется их возврат, владельцев могут ждать сложности**.

«Очень трудно возвращать изъятое. Даже когда это касается свидетелей. Например, однажды мы просили вернуть изъятое, но нам отписались, что это невозможно, потому что производятся следственные действия. Потом мы узнали, что на момент подачи обращения последнее следственное действие проводилось полгода назад по этим вещам, а после — никаких следственных действий не проводилось».

Из интервью с адвокатом, специализирующимся на общеуголовной практике

«Это большая проблема. Вещи зависают на годы, и мы вынуждены обжаловать это: и факт изъятия и факт невозвращения».

Из интервью с адвокатом, специализирующимся
на экономических и должностных преступлениях

По словам опрошенных нами адвокатов, изъятые вещи вернуть бывает сложно не только из-за каких-либо бюрократических трудностей, но и из-за очевидных махинаций и отписок следствия.

«Я [просила] в ходатайстве возвратить технику. А мне следователь ответил: “В материалах уголовного дела нет термина “техника”, обращаемся к словарю русского языка”. [В итоге он] делает вывод, что “в ходе анализа я не установил предметов, подходящих под определения термина “техника” и изъятых у вас”».

Из интервью с адвокатом, специализирующимся на общеуголовной практике

«Я знаю один механизм [который используют правоохранители]. [Они] изымают предметы в рамках ОРМ, что позволяет не принимать процессуального решения о том, признать ли вещи вещдоками или вернуть их — они просто [остаются] при материале [предварительной оперативной проверки]. Эти вещи числятся за материалом. Из материала выделяют другой материал, и с новым материалом “уходят” вещи. А материал первоначальный становится основой для уголовного дела. Дело доходит до приговора… но возвращать нечего, вещи ведь остались при другом материале!».

Из интервью с адвокатом, специализирующимся на общеуголовной практике

Практически все опрошенные нами респонденты — адвокаты и правозащитники, а также лица, у которых в ходе поисковых мероприятий изымали личные вещи, предметы и даже дорогостоящую технику — однозначно утверждают, что ни закон, ни правоприменительная практика не предоставляют реально эффективных механизмов возврата изъятого или компенсации его стоимости. За эти предметы приходится в прямом смысле бороться, преодолевая десятки бюрократических кругов, и действенного механизма противодействия такой практике пока что не существует.

Есть один способ противодействия нарушениям — судебный контроль. Но его эффективность вызывает сомнения

Любые поисковые мероприятия, особенно если они происходят в жилище, заведомо ставят обыскиваемого в слабую по отношению к правоохранителям позицию. В теории защищать права граждан и корректировать ошибки агентов государства должен механизм судебного контроля. **Но его**

эффективность ставится многими юристами, в том числе среди тех, кого мы интервьюировали, под сомнение.

Вместе с тем каких-либо объективных данных об эффективности судебного контроля за проведением поисковых мероприятий на сегодняшний нет. Однако некоторые тенденции помогает оценить судебная статистика, публикуемая Судебным департаментом при Верховном Суде РФ: например, в 2022 году российские суды отказывали силовикам в проведении поисковых мероприятий в жилище лишь примерно в 2 % случаев. Проведение таких действий в других местах — гаражи, дачи, рабочие места и т. д. — и вовсе остаётся вне видимости официальных данных. И такая динамика стабильно сохраняется на протяжении последних лет.

Успешность обжалований санкций и результатов поисковых мероприятий также не охватывается статистической информацией. Наш опрос показал, что юристы в своей работе чаще всего прибегают к обжалованию со ссылкой на статьи 125 и 165 УПК РФ. По официальным данным за прошлый год, лишь около 4 % всех поданных в суды первой инстанции жалоб в порядке статьи 125 УПК были удовлетворены[12]. Сколько из них касались поисковых мероприятий, мы не знаем, однако тенденция очевидна: в подавляющем большинстве случаев у суда «нет оснований сомневаться» в правильности и законности действий представителей правоохранительных органов.

Опрошенные нами адвокаты в целом сходятся во мнении, что даже при наличии серьёзных нарушений добиться какой-либо реакции надзорных органов, вышестоящих должностных лиц и судов практически невозможно.

> *«Обжалуем часто, но лишь однажды удалось добиться направления дела на новое рассмотрение — результат в итоге предсказуемый».*
>
> Из интервью с адвокатом, специализирующимся на экономических делах

> *«Сейчас [в моей практике] есть отмена постановления суда [по 165 УПК РФ] — вернули на новое рассмотрение. Знаю, что у коллеги признали по существу обыск незаконным, тоже по 165 УПК РФ. И это единственный случай, который я знаю, когда признали обыск незаконным по существу».*
>
> Из интервью с адвокатом, занимающимся общеуголовной практикой

Некоторые адвокаты прямо говорят, что причина неэффективности судебного контроля кроется в том, что «*суд дублирует обвинение*» и «*не вникает в существо дела, в сущностные нарушения — в этом и есть вся проблема обжалования*».

С другой стороны, некоторые из интервьюируемых отмечают, что хоть судебный контроль и является неэффективным, добиться некоторых успехов возможно при последовательном и методическом обжаловании в порядке статьи 124 УПК РФ, то есть через руководителя следственного органа и прокурора. **И редкие победы в судах всё же случаются**:

> *«У меня был один кейс, когда обыск признали незаконным. Были определенные и серьёзные нарушения, прокурор поддержал позицию защиты, но, кажется, главная причина — конфликт между следователем и судьей. На мой взгляд, только на этом основании суд взял на себя ответственность по признанию обыска незаконным. Судья указала, в частности, что не было оснований для производства обыска».*
>
> Из интервью с адвокатом, специализирующимся на общеуголовной практике

С другой стороны, в условиях, когда поисковое мероприятие зачастую помогает начать уголовное дело, ситуация признания его незаконным может привести к большим проблемами для самих правоохранителей: тут в дело вступает институциональная корпоративная логика. Исключение найденных доказательств может сделать дело бесперспективным.

---

[12] Из 111 496 жалоб удовлетворены 4 242.

«Наше правосудие — это не про справедливость и восстановление баланса интересов, наше правосудие — это про другое. Это не правосудие — это оформительство. Если следствие просит — суд сделает. <…> Самое страшное, что суды засиливают все. Если один раз прошло — пройдет ещё раз. Как говорил господин [председатель СК России Александр] Бастрыкин: "У нас оправдательных приговоров 0,01 % потому что мы расследуем хорошо" (смеётся)».

Из интервью с адвокатом, состоящим в правозащитном объединении

Вместо заключения

В начале исследования мы предположили, что тактики и методы, используемые правоохранителями для достижения целей раскрытия дела в рамках отдельных поисковых мероприятий, часто не соответствуют закону и средствам, им предоставляемым. И отчасти наша интуиция подтвердилась, ведь за несколько месяцев исследования мы не нашли ни одного примера идеального поиска — часто правоохранители пренебрегают нормами этики и буквой закона для реализации дела или достижения отдельных ситуативных целей.

Нарушения могут быть разными по тяжести и характеру — от небольших и несущественных, но встречающихся чаще всего, до вопиющих и фундаментальных — однако в столкновении интересов государства, правоохранительной системы и личности последняя редко оказывается в приоритете. Поисковые мероприятия далеко не всегда используются по их назначению — в их обосновании могут лежать совсем другие мотивы, такие как начать дело, произвести «разведку» или даже запугать обыскиваемых.

Обыскиваемое лицо, для которого столкновение с более сильным оппонентом практически всегда будет стрессом, точно нуждается в бóльшей защите: защите, которую сегодня правоохранительная и судебная система не могут обеспечить в полном объёме. Помощь адвоката при поисковом мероприятии не гарантирована, а имеющиеся инструменты защиты, например, судебный контроль, даже статистически не могут считаться эффективным. Для защиты своих прав обыскиваемым и их защитникам приходится проявлять недюжинные настойчивость и упорство.

Законодательное регулирование поисковых мероприятий приводит к большому количеству злоупотреблений: обыски подменяются осмотрами с включённым допросом, изъятие вещей может быть произвольным по своему характеру, а пренебрежительное отношение правоохранителей к заведомо слабой стороне в подавляющем числе примеров останется безнаказанным. Судебная практика не решает наболевших проблем, а лишь создаёт условия для укрепления устоявшихся алгоритмов, удобных только одной стороне правоотношений.

Со временем практики проведения поисковых мероприятий не совершенствуются, а в последние два года практикующие юристы всё чаще видят тенденцию на усугубление уже имеющихся проблем, таких как отсутствие эффективных механизмов судебного контроля (в том числе со стороны высших судов, которые в своих правовых позициях могли бы корректировать недостатки) и мер противодействия нарушениям и злоупотреблениям. Эти изменения, как рассказали наши респонденты, не носят молниеносного характера, их нельзя измерить в процентах, однако их невозможно не замечать. Положительную тенденцию в области правоприменения наблюдают единицы.

При этом чёткий водораздел, разделяющий всю массу нарушений, в большинстве случаев можно проводить по категории или характеру уголовных дел: с одной стороны, по политическим или резонансным кейсам вероятность столкнуться с самыми негативными и даже грубыми сторонами правоохранительной работы значительно выше; и в этой части изменения в худшую сторону фиксируются отчётливее всего. И наоборот — по делам, которые условно можно отнести к общеуголовной преступности, нарушения носят менее вопиющий характер, а динамика не столь очевидна. С другой стороны, если мы фиксируем существенное ухудшение в делах, являющихся достоянием общественности, то это может стать явным сигналом к тому, что в скрытых от глаз публики процессах могут расширяться критические разломы.

Приложение. Практика Конституционного Суда по обыскам за 2022 год

В 2022 году КС вынес ряд определений, в той или и иной мере затрагивающих вопросы проведения обысков. Одни жалобы не прошли фильтры допустимости, а другие поднимали вопросы, решением которых Суд уже занимался в прошлом. Особняком стоит проблема неотложных обысков и реализации права на присутствие адвоката. Наш обзор показал, что Судом не было высказано принципиальных позиций, а тенденции прошлых лет в части правоприменения остаются прежними. Мотивировки определений — в случае, если не идёт речь о недопустимости жалоб в силу формальных оснований, — как правило, одинаковы: УПК уже содержит достаточно механизмов для противодействия любым нарушениям, совершаемым правоприменителями во время обысков.

Дело о присутствии специалиста при изъятии гаджетов и техники

В жилище Артёма Никитина[13] был проведён обыск, в результате которого у него забрали электронные носители информации. Заявитель утверждал, что при изъятии техники не присутствовал соответствующий специалист, а при производстве самого следственного действия правоохранители неправомерно получили доступ к охраняемым законом банковской, коммерческой и семейной тайнам.

Эти утверждения вылились в ходатайство о признании недопустимыми и исключении из числа доказательств протоколов обыска и осмотра предметов (документов). Суд общей юрисдикции не согласился с Никитиным, признав его доводы необоснованными, что привело его в КС. В жалобе заявитель указал, что ряд норм УПК, допускающих изъятие электронных носителей информации без участия специалиста и не устанавливающих перечня случаев его обязательного участия и критериев допустимости доказательств, полученных в результате такого мероприятия, не соответствует главному закону страны.

Жалоба, ожидаемо, не была рассмотрена — заявитель не исчерпал всех средств правовой защиты, решив обратиться в КС сразу прохождения его дела в суде первой инстанции. Как следствие, вопросы привлечения квалифицированных специалистов при изъятии техники и сохранности тайны остались неразрешёнными.

Конституционный Суд напомнил, что исчерпание в контексте подачи жалоб подразумевает предварительную подачу кассационной или надзорной жалобы (в зависимости от дела), рассмотрение которой не привело к устранению признаков нарушения конституционных прав заявителя.

[13] Определение от 27.01.2022 № 144-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никитина Артема Владиславовича на нарушение его конституционных прав частью первой и пунктом 3 части второй статьи 75, а также частью второй статьи 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Дела о попытках оспорить неотложный обыск

Осуждённый Артём Корюнов[14] оспаривал конституционность целого ряда норм уголовно-процессуального законодательства: от порядка отвода судьи до избрания меры пресечения. Среди перечня спорных, по мнению заявителя, положений[15] были и нормы, касающиеся проведения безотлагательного обыска в жилище, когда получение судебной санкции возможно после его завершения[16].

Отказывая в принятии жалобы к рассмотрению, КС указал, что фактически Корюнов намеревается не оспорить конституционность норм, а перепроверить фактические обстоятельства: нарушения, которые, по мнению заявителя, были допущены правоохранителями и подтверждения наличия которых не обнаружили суды общей юрисдикции.

Аналогично Конституционный Суд не принял к рассмотрению и жалобу другого осуждённого, Василия Черанева[17], который усомнился в том, что обыск, запланированный за целые сутки до его непосредственного производства, можно назвать неотложным. Заявитель среди прочего[18] счёл, что в нынешнем виде УПК[19] позволяет не обосновывать исключительность случая, в том числе не оценивать реальность угрозы утраты доказательств и не приводить в судебном акте анализ информации, представленной следователем.

КС ушёл от вопроса о том, какой срок подготовки при определении неотложности обыска можно считать приемлемым, лишь указав на наличие различных гарантий: постановления на обыск должны быть законными, обоснованными, мотивированными и выноситься на основе проверки оснований для производства в жилище соответствующего следственного действия, в том числе свидетельствующих о его безотлагательности. Заканчивается определение выводом о том, что заявитель предлагает Суду разбираться в фактических обстоятельствах дела, что выходит за рамки его компетенции.

Помимо прочего, Черанев обратил внимание на нормы, предусматривающие обязательное изъятие у обыскиваемого предметов и документов, изъятых из оборота[20] — на это КС указал, что при отсутствии у фактического владельца таких предметов соответствующих правомочий, вытекающих из закона, говорить о каких-либо нарушениях конституционных прав заявителя нельзя.

---

[14] Определение от 24.02.2022 № 282-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корюнова Артема Александровича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

[15] Часть первая статьи 60; части первая и вторая статьи 61 и статья 65; статья 121 и часть вторая статьи 271; часть первая статьи 156, статья 171 и статья 175; части пятая и седьмая статьи 162; части первая и вторая статьи 184; часть третья статьи 195, пункт 1 части первой статьи 198 и статья 207; пункт 10 части первой статьи 308.

[16] Часть пятая статьи 165.

[17] Определение от 21.07.2022 № 2074-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Черанева Василия Ивановича на нарушение его конституционных прав статьей 17, пунктом 1 примечаний к статье 222, частью второй статьи 285, статьей 289 Уголовного кодекса Российской Федерации и рядом норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

[18] Так же как и в предыдущем кейсе, жалоба включала объёмный перечень спорных, по мнению В. Черанева, норм: часть вторая статьи 285 самостоятельно и во взаимосвязи со статьями 17 и 289 УК РФ; пункт 1 примечаний к статье 222 УК РФ; статья 17 УПК РФ; часть девятая статьи 182 УПК РФ; статья 196 УПК РФ; части первая и третья статьи 240 УПК РФ; пункт 2 части второй статьи 281 УПК РФ.

[19] Часть пятая статьи 165.

[20] Заявитель был осуждён по 222-й статье УК РФ «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов» и оспаривал конституционность части девятой статьи 182, позволяющей, по его мнению, лишать имущества без судебного решения и без обеспечения достаточных процессуальных гарантий.

Дело о 40 обысках и одном постановлении

Марина Лукашевич[21] пыталась оспорить постановление суда, санкционирующее обыск в её жилище. Особенность спорного акта заключалась в том, что он разрешал провести данное следственное действие в жилище сразу 29 человек по 39 различным адресам. Пройдя все инстанции общей юрисдикции и не добившись нужного итога, заявительница дошла до КС с жалобой на положения УПК[22], позволяющие судам выносить подобные постановления.

КС не принял жалобу Лукашевич к рассмотрению. По мнению Суда, УПК уже содержит достаточно гарантий и средств для защиты прав граждан в подобных случаях: например, судебный контроль за проведением обысков в жилище, возможность обжаловать судебное постановление и результаты следственного действия и т. д. При этом суды обязаны в полном объёме проверять основания и условия для проведения обыска, соответствие ходатайства закону и фактические обстоятельства, послужившие основанием к производству следственного действия. А сам по себе факт вынесения одного постановление на четыре десятка жилищ КС нарушением не счёл.

Дело об обыске без адвоката

Осуждённый Александр Ефанов[23] добивался признания недопустимым доказательством протокола обыска в его жилище — в качестве довода он ссылался на то, что при проведении следственного действия отсутствовал его защитник. Суды общей юрисдикции, отказывая ему в жалобах, указывали на то, что обыск был безотлагательным, а сам Ефанов не заявлял о наличии соглашения с конкретным адвокатом и не ходатайствовал об участии в мероприятии своего защитника. Статья 182 УПК, по мнению заявителя, противоречит Конституции как не обеспечивающая среди прочего его право на присутствие адвоката.

Конституционный Суд не принял жалобу Ефанова к рассмотрению, неоднократно сославшись на свои ранее высказанные позиции. Суть определения сводится в тому, что выполнение следователем обязанности по обеспечению прав участников обыска не предполагает приостановления его производства для обеспечения явки адвоката, а требование о незамедлительном обеспечении права на помощь адвоката не может быть распространено на случаи проведения следственных действий, не связанных с дачей лицом показаний, подготавливаемых и проводимых без предварительного уведомления лица об их производстве ввиду угрозы уничтожения (утраты) доказательств. Одновременно с этим УПК *не позволяет* следователю произвольно отклонить ходатайство лица, в чьём жилище производится обыск, о допуске адвоката (защитника) для участия в таком следственном действии.

---

[21] Определение от 28.04.2022 № 860-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Лукашевич Марины Борисовны на нарушение ее конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

[22] Статьи 5, 29, 165 и 182.

[23] Определение от 21.07.2022 № 2088-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефанова Александра Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Дело о присутствии заинтересованного лица на заседании, в рамках которого санкционируется обыск

Валерий Карпов[24] обратился в КС с просьбой признать неконституционными части третью и пятую статьи 165 УПК как не предусматривающие право лица участвовать в судебном заседании по проверке законности обыска в его жилище, равно как и не обязывающие суд известить заинтересованное лицо о времени и месте судебного заседания.

Конституционный Суд отказался принимать дело к рассмотрению. Оспариваемая норма устанавливает, что на заседании по санкционированию обыска вправе участвовать прокурор, следователь и дознаватель, а граждане не уведомляются о заседании ввиду сжатых сроков, отведённых законом на последующее санкционирование безотлагательных обысков. Вместе с тем препятствий прийти в суд и заявить о своих доводах в пользу незаконности проведённого мероприятия УПК не содержит, а следователь обязан разъяснить лицу его право заявить ходатайство об участии в судебном заседании по проверке законности обыска и указать суд, в котором будет проводиться судебное заседание.

[24] Определение от 21.11.2022 № 3013-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карпова Валерия Анатольевича на нарушение его конституционных прав частями третьей и пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».